

Надо заметить, что на специальных занятиях наши студийцы овладевают и сценической речью, и пластикой, и жестом, и мимикой, и фехтованием. Словом, все, из чего постепенно складываются и мастерство и актерская многогранность. Прелесть игры наших студийцев на данном этапе в том, что они живут на сцене исключительно искренне, потому что из-за недостатка необходимых «умений» не могут пока еще создавать имитацию жизни. И жест, и пластика, и мимика, и интонации — все это при выражении нужных им мыслей и переживаний идет изнутри, непроизвольно. Они играют, как чувствуют, как сами ощущают не только события пьесы, но прежде всего живую, реально окружающую их жизнь. В этом секрет и залог их актерской заразительности и творческой раскованности.

Своей молодостью и неискушенностью в приемах они как бы застрахованы от мелкой театральности. Вхождение в искусство через студию, мне думается, поможет им впоследствии избежать такой опасности, как игра на штампах. Необходимость каждый раз заново переживать события, обстоятельства, предаваемые автором, а не изображать их, станет у них, надеюсь, естественной потребностью.

Вместе с тем мы стремимся осуществлять и эстетическое и нравственное воспитание зрителя. Эти процессы вообще неразрывны. Их нельзя разделять. В зале у нас 100 мест на одном спектакле и 150 — на другом, в зависимости от того, какая площадь сцены необходима для развития действия. Если же мы выезжаем, то зрителей может быть и 700 и больше. Смысл в том, чтобы те, кто на сцене, как можно активнее контактировали с залом, а те, кто в зале, в свою очередь давали энергию исполнителям.

— В чем вы видите свою роль как наставника?

— В том, чтобы поменьше выгладеть наставником. Как можно меньше наставлять, поучать, направлять, внушать. У нас в жизни более чем достаточно проблем, которые волнуют молодых и которые им решать необходимо. Моя задача — помочь им решить проблему, а не увести от нее. Своим острым восприятием жизни молодые, кстати, воспитывают и меня, не давая останавливаться ни на чем...

Наставник — сложное понятие. Некоторые молодые люди не любят опеки, жаждут самостоятельности. Лично я предпочел бы роль не наставника, а друга, если молодые примут меня в свою компанию, подарят мне свое доверие.

— Помогает ли вам, вернее, вашим ребятам, то, что делают другие театры, или вы стараетесь идти непременно своим путем?

— Помочь развитию и становлению актера может только яркое и глубокое искусство, настоящая литература. В художественном совете у нас люди интересные: известные писатели, режиссеры, артисты. Их мнение для нас ценно, и мы к нему чутко прислушиваемся. Мы охотно перенимаем все лучшее у профессионального советского театра. Подспорьем нам служит и хорошая мемуарная литература о спектаклях, творческой жизни актеров. Если же вариться в собственном соку, замыкаться в своей скорлупе, можно прийти к самоуничтожению. Только в познании создаваемого подлинными мастерами, в просмотре лучших профессиональных спектаклей и знакомстве с произведениями разных родов искусства можно совершенствовать мастерство собственное, избегая проторенных или ложных путей. В искусстве — главное иметь свой оригинальный эстетический

язык и стиль. И то и другое, мне думается, в какой-то мере у нашей студии уже есть. Подтверждением тому служит интерес публики к работам театра-студии на Красной Пресне...

Головы наших молодых актеров полны фантазии, и мы стараемся не подавлять и не ограничивать их творческую инициативу, а помогаем реализовать их задумки. А замыслов у 300 человек рождается столько, что для их воплощения может и целой жизни не хватить. В то же время для нас незыблем принцип: постановочный прием не должен заслонять главное — суть души человека. В противном случае актеры превращаются в механических исполнителей.

— 14 метров в длину и 9 метров в ширину — такова вся площадь вашего театра. И зрительного зала и сцены, для которой остается лишь узенькая полоска, как, например, на спектакле «Прощание с Матёрой». Наверное, вам, режиссеру, нелегко работать в таких условиях?

— Конечно, для театра этого маловато, однако в столь ограниченном пространстве тоже есть своя положительная сторона: нет нужды форсировать звук, напрягать речевой аппарат, тем более, что он еще не окреп и не поставлен. На первой стадии создания игр, сюжет которых отличается, я бы сказал, известной камерностью, такой площадью можно ограничиться. Есть поговорка: голь на выдумки хитра. Так и у нас получается — теснота сцены и зала волей-неволей вынуждает «творить, выдумывать, пробовать».

...Обратившись к образу Степана Разина, В. Шукшин создал эпическое полотно, в котором значительное место занимают батальные сцены. Театр у нас маленький, и следовать за писателем в этом смысле мы, естественно, не могли. Впрочем, дело даже не в том. В романе Шукшина нам было важно другое, а именно — понять глубинную идею похода за волей. Понять мотивы выступления самого Разина как человека, победившего в себе раба и борющегося за свободу для народа.

Нам важно показать и взаимоотношения Разина со сподвижниками. Разина любили за то, что у него душа болела не за одного себя. Сейчас, например, много сильных и смелых, но мало по-настоящему добрых и бескорыстных. Не случайно появилась метафора: гребет, как снегоочиститель (все на себя), и распространилось выражение: тянуть одеяло на себя. Для нас в образе Разина привлекательна не доброта в смысле сентиментальности, а то, что он и в других людях видел прежде всего людей, умел ценить их честь и достоинство, был готов жертвовать собой ради тех, кто рядом, ради общего благородного дела.

Для такого углубления в духовный мир героя совсем не требуется большое пространство. Нам оказалось вполне достаточно одного струга, на котором львуют разинские есаулы. Их двенадцать, и они олицетворяют всю многотысячную армию, а качание струга как бы символизирует движение плывущей флотилии. Свою роль в этом спектакле обрела даже кирпичная стена нашего здания. Она является как бы воплощением стен городов, где происходили сражения.

У нас нет ни партера, ни балкона. Ряды в зале представляют собой ступенчатый амфитеатр, как в учебной аудитории, который почти примыкает к пространству, где разворачивается действие. Актер в этом случае чувствует себя не перед зрителями, а как бы среди них. Тем более, что для некоторых наших постановок просто необходимо вторжение акте-